

ВТОРОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Владимир Абрамович ЭТУШ
Родился 6 мая 1923 года в Москве. В 1945 году окончил театральное училище имени Щукина. С этого же года и по сей день является актером театра имени Евгения Вахтангова. Уже в 1945 году стал преподавателем, а с 1987 года – ректором театрального училища имени Щукина, профессор с 1976 года.

Всесоюзную славу и любовь зрителей Этушу принесли его роли в кино. Дебютировал в 1953 году в роли Сеида-Али в фильме «Адмирал Ушаков». Среди лучших работ Владимира Этуша – Саахов («Кавказская пленница», 1967 г.), Трактирщик («Старая, старая сказка», 1970 г.), Шпак («Иван Васильевич меняет профессию», 1973 г.), Карабас Барабас («Приключения Буратино», 1975 г.) и множество других. В 1971 году Владимиру Абрамовичу Этушу было присвоено звание «Народный артист РСФСР», а в 1984-м – «Народный артист СССР». Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

До войны я не хотел идти в армию, боялся ее. В 1941 году я уже был студентом театрального училища имени Щукина. В субботу 21 июня лег спать очень поздно. У нас был праздник. Гуляли по случаю окончания первого курса. А 22-го, в воскресенье, в двенадцать часов меня разбудила мама. Сказала: «Война!» По радио как раз выступал Молотов. Для меня было ясно, что я первый кадр, который попадает на фронт.

– Но ведь у Вас была отсрочка от армии, как у многих студентов?

– Да, конечно. Но со времени начала войны в моем сознании произошла некоторая метаморфоза. Меня с детства дома пугали: «Только не в армию». И я сначала поступал на режиссерский факультет ГИТИСа. Но меня не приняли. Я пошел в какое-то Управление учебными заведениями. Как называлось, не помню, но располагалось оно на Старой площади. И меня там встретили два сотрудника. Я сказал, что мне грозит призыв в армию, что делать? А мне ответили: «Почему вы, молодой человек, так боитесь армии? Армия... она ведь и воспитывает».

– Они были искренни?

– Конечно! И многие тогда так считали.

– Вы, насколько я помню, ребенок из достаточно благополучной интеллигентной семьи. Война – первое ваше потрясение?

– Я бы так не сказал. Время тогда и до 1941 года было тяжелое. Мой папа работал заместителем директора трикотажной фабрики. Его несколько раз приходили арестовывать, потом отпускали. Мама тоже была начальником отдела фабрики №16 «Мосбелье». Мы с младшей сестрой с детства многое понимали. Просто, как бы это объяснить, до войны у всех была другая жизнь. Мирная. А 22 июня 1941 года она кончилась. Началась жизнь военная.

– И как Вы в этой жизни себя чувствовали?

– Я бы не хотел уходить в анализ ощущений. Давайте говорить о конкретных событиях. Мы сразу стали дежурить ночами на крышах. Тушили зажигалки. Потом, недели через две, нас отправили под Вязьму строить оборонительные сооружения вокруг Москвы. Брали вроде бы на три дня, но копали мы три месяца. У меня есть справка от управления МВД, тогда оно этим занималась, что я был землекопом по 28 сентября 1941 года.

– В каких условиях Вы жили, когда рыли окопы?

– Жили в сараях. Ночевали на сене. Утром рано начинали работать, заканчивали вечером. Поздно.

– Голодали?

– Почему голодали? Кормили нас хорошо. Вместе работали студенты самых разных вузов. Помню, рядом с нами были ребята из Орловского университета. Потом я вернулся в Москву...

В. Этушу вручается Золотой почетный знак «Общественное признание»

Там, где В. Этуш, всегда улыбки и юмор

– **И что же Вы там увидели? Как изменился город?**

– Очень сильно. Меня поразила светомаскировка – окна с наклеенными крест-накрест полосами бумаги, дирижабли воздушного заграждения, автомобили с узкими прорезями на клеенных фарах. Свет «в открытую» нельзя было зажигать. Ночами воздушные налеты...

– **Но все-таки, как Вы попали на фронт?**

– В это время в нашем театре Вахтангова шел спектакль «Фельдмаршал Кутузов» – о нашествии Наполеона на Москву. Мы, студенты, были заняты в массовке. Попеременно играли то русских крестьян, то французских солдат. Быстренько переодевались. Спектакль по созвучию моментов был очень актуален, но, несмотря на это, я видел в зале ничтожное количество зрителей. Я их посчитал, оказалось очень мало. И это произвело на меня столь большое впечатление, что я подумал: «Тут мы не принесем пользы». И решил пойти в армию. Добровольцем. Воевал на юге. Тогда там было много кавказцев, и мне очень нравилась их манера поведения, акцент. Кстати, потом мне это очень пригодилось в работе над фильмами.

– **Были ли Вы в Москве во время паники в ноябре 1941 года?**

– Нет, в ноябре меня в Москве уже не было. Я плыл на пароходе в маленький город Ставрополь, что на Волге. Того Ставрополя сегодня уже нет, на его месте водохранилище.

Я немного знал немецкий язык, и меня определили на четырехмесячные курсы военных переводчиков. А учились мы в помещении бывшего туберкулезного санатория, который находился в сосновом лесу. Но я проучился лишь три месяца – мне присвоили звание лейтенанта, и я был направлен в действующую армию переводчиком. Вскоре стал помощником начальника штаба полка по разведке, потом первым помощником.

– **И, служа на передовой, отправляясь в разведку, Вы не боялись оказаться в плену у фашистов?**

– Я бы ни в какой плен не сдался, скорее застрелился. Я ведь и в партию вступил, как и многие мои товарищи, перед боем.

– **Но сама война – это такое темное, страшное время. Как все справились с четырехлетним стрессом?**

– Не думайте, что все было так беспросветно. Люди жили. Оставался юмор. Вспоминаю такой случай. У меня вещи лежали на повозке, хотя я в свой рюкзак редко заглядывал. Но однажды, когда выдалось свободное время, я посмотрел, что у меня там есть. Достал портянки, еще портянки, старые рваные носки, еще какое-то старье. А рядом сидел капитан, начальник химической службы полка. Он смотрел, смотрел на мои шмотки и вдруг со смехом говорит: «Кому война, а кому «нажива»».

Помню еще забавный эпизод. Я тогда был худой-худой, одна голова, как картошка на ниточке. А зимой на Ставрополье были довольно сильные морозы. И одет я был так: нижнее белье, поверх него летнее обмундирование и, наконец, зимнее обмундирование – ватник и сверху шинель. И вот на улице я плюнул, да так «удачно», что плевок повис на шинели. Но я этого не заметил. Пошел допрашивать пленного немца. А генерал, начальник штаба, с укором говорит мне: «Пленный у вас выглядит аккуратнее, чем переводчик».

– **А видели ли Вы проявления жестокости фашистов в отношении мирного населения?**

– Это было по ту сторону фронта, у нас, уже в плену, какую они могли проявлять жестокость? Мы к немцам могли, но я этого не видел.

В. Этуш и М. Зудина

Я служил в 70-м укрепрайоне, который оборонял Ростов. Там фронт был прорван, и наши войска стали отступать на Кавказ. Я прошел через Кавказские хребты в Верхнюю Сванетию, Нижнюю Сванетию, Мингрелию, через Грузию попал в Грозный. Получил назначение в 581-й полк и с ним прошел путь от города Грозного до того самого поля, где 16 октября 1943 года меня ранило...

– И где же это случилось?

– Недалеко от Запорожья. Под городом Такмак. В атаке. Вернее, после атаки. Там была ровная, как стол, местность. Река текла. Называлась Молочная. И мы взяли, форсировали эту реку. За эту переправу я получил орден Красной Звезды.

И вот поднялись мы на высокий берег. А там гладкая, гладкая степь. У немцев мы были, как на ладони. И никак не могли двинуться с места. Каждое утро начиналось с того, что звонил генерал – командир дивизии и говорил командиру полка... Как бы это поточнее передать... Мат там шел сплошной, мол, так и так, если сейчас не возьмешь, не выбьешь немцев, так я тебя... А наши уже не выходили из окопов. Противник вел такой постоянный плотный огонь, что солдаты не верили, что что-то можно сделать. И это меня побудило к тому, что я пошел сам вперед и поднял их в атаку. Мы пробежали где-то 200 метров под сплошным обстрелом, но на мне не было ни одной царапины! И вернулся нормально. Стоял около командира батальона, а вокруг летали какие-то разрывные пульки. «Пак – пак» – цеплялись за траву. А я на них и внимания не обращал, ведь только что был в такой атаке, а тут эта мелочь. И вдруг после очередного «пак» – сознание отключилось.

Пришел в себя, жуткая боль в левой ноге и бедре. Пополз. А сам оглядываюсь, есть ли нога? Вижу, есть...

Потом подбежали наши солдаты. Положили меня на плащ-палатку, с трудом затащили за лесопосадки, где уже стояла лошадь с «линейкой». Так меня доставили в полковой госпиталь. Обработали рану. Забинтовали. Но не поняли тогда, что у меня была раздроблена кость.

Я полгода потом лечился. Сначала в Урюпинске. Там меня вроде бы вылечили. Решили перевезти в Москву. За мной, помню, приезжала мама. А жили мы у Яузских ворот. От Курского вокзала, куда прибыл мой поезд, недалеко, но пешком дойти трудно. И у меня по дороге домой открылась рана. Пришлось долечиваться.

– Потом Вы вернулись в училище?

– Да. К своим же ребятам, на четвертый курс. Приема во время войны у нас не было, и мне сказали, если сможешь, учись на четвертом курсе. Нет – пойдешь снова на первый. Но я смог учиться на четвертом.

– Самый светлый день – День Победы. Как это было?

– 9 мая 1945 года я был на сквере возле Большого театра. Яркий солнечный день. Теплынь. Много фронтовиков. Большинство с орденами, медалями. Боевыми! Густо так были увешены, плотно.

– Молодые ребята?

– Почему только молодые? самого разного возраста. И в глазах у всех такой восторг, надежда, радость. Я родился 6 мая и с тех пор считаю, что у меня два дня рождения – 6 и 9 мая.

**Беседовала
Елена ГРИГОРЬЕВА**